«Письмо к другу, жительствующему в Тобольске...» — «частное письмо» С. Янову и одновременно «открытое письмо»;[10] сокровенное «беседование с делившим некогда <...> горесть и радовавшимся о <...> радости» (I, 147) и слово публициста, проповедь гражданина, революционера. Адресованное тому, с кем «юношеския провел дни свои» (I, 147), оно «вероятно, с самого начала предназначалось к опубликованию»,[11] и тем не менее, рассчитанное на многих (при полном и, на первый взгляд, странном умолчании о них), «Письмо» не мыслилось Радищевым вне его конкретного адресата — лейпцигского товарища Янова. Без него «Письмо» не могло состояться. Он был необходим как своего рода мотивация, психологически объясняющая и облегчающая диалог, криминальность которого отчетливо осознается в контексте панегирических откликов на открытие памятника Петру I.[12] Обстоятельства напечатания этого произведения и его судьба (экземпляр «Письма к другу» был приобщен к следственному делу Радищева) — доказательства тому.

Но уже в «Житии Ф. В. Ушакова» функция адресата усложняется. Теперь он необходим как незримый свидетель событий восемнадцатилетней давности, стоящий на страже истины: «Если инные в повествовании сем найдут что либо пристрастное, не буду тронут тем, ведая что они ошибаются; но ты, мой друг, будучи содействователь всего, обрящешь в нем истинну» (I, 166), поверяющий память и совесть автора.

В «Письме к другу» собеседник — явно единомышленник. В «Житии Ф. В. Ушакова» (оно посвящено А. М. Кутузову) между друзьями существуют разногласия, в которых они как будто боятся признаться сами.[13] И не для того ли понадобились эти воспоминания в присутствии друга «дней юности», чтобы решить давний спор и у тени умершего «учителя <...> в твердости» испросить порицания или одобрения своей сегодняшней жизни? Остались ли они верны юношеским идеалам, дружбе, «блаженному сему союзу душ» (I, 155), помнят ли и сообразуют ли со своим «я» сейчас, сегодня, спустя восемнадцать лет, «пример мужества», поданный некогда Ф. Ушаковым? Радищеву явно хотелось получить положительный ответ: «...а ты если можешь днесь внимать гласу стенящаго, приникни о возлюбленный к душе моей, ты в ней увидишь себя живаго» (I, 186).

Радищев отвергает безличностную, объективную форму повествования от третьего лица, хотя именно ее требовала традиция житийной литературы. Но он и не решается вести рассказ в от-

---

[10] *Старцев А. И.* Университетские годы Радищева, с. 186.

[11] Там же.

[12] См. об этом: *Татаринцев А. Г.* «Письмо к другу» А. Н. Радищева. — Рус. лит., 1966, № 1, с. 116—125.

[13] См.: «...не удивляйся, мой друг <...>, если найдешь здесь некоторыя черты разположения твоих мыслей в тогдашнее время. Ибо забыть того не льзя, колико единомыслие между нами царствовало» (I, 160).